

Пролог

Скоро, уже совсем скоро начнется.

Солнце беспощадным желтым пауком выползает из-за края земли, стремясь занять центр ярко-синей паутины небес. Колокола на башне Санта-Мария-дель-Мар молчат, еще нет девяти утра, но жаркое марево испанского лета уже разлилось по земле. То ли еще будет. Слабый ветер с моря приносит душную влагу, которая заставляет свет преломляться, искажая идущие вдалеке фигуры.

Чуть дальше на запад начинается совсем другой мир апельсиновых рощ. Там среди деревьев прохладно и воздух напоён упоительными ароматами свежей листвы, ухоженной земли; зрелые, сильные ветви готовятся первый раз в этом году дать жизнь сладким плодам. Все в том далеком мирке наполнено радостью любви и возрождения.

Но тот мирок эфемерен, а мир, который я сейчас вижу перед глазами, более чем реален. Здесь нет прохладного тенька и сладостных запахов. Когда свирепое солнце заставит гору Монсеррат накрыть все своей тенью, даже тогда здесь не будет ничего, кроме духоты, жары и пыли. Тот мир радуется новому утру, готовится любить и дарить жизнь. Мы здесь собираемся заняться прямо противоположным: мы готовимся жизнь отнимать.

Люди, шагающие впереди, люди, шагающие позади, — они излучают уверенный плотоядный интерес и ни капли страха. Чужая — не своя — смерть здесь и сейчас возбуждает в них древнюю, как мир, жажду крови.

О, мы с Франциско — два достойных соперника, сильных и опасных, наша схватка будет захватывающей. Если одному из нас суждено выжить, что маловероятно... о нем позаботится полковой палач посредством нехитрого деревянного устройства и хорошо намыленной веревки.

Я не знаю, что лучше в моем положении — победа или смерть от клинка моего соперника, ибо именным указом императора любые дуэли в действующей армии караются повешением, невзирая на знатность рода, звание и заслуги. Но мы, два упорных болвана, идем вперед, чтобы снять друг с друга кровавую стружку и потешить немногочисленную публику, которая понимает толк в игре клинков.

А потом, если победитель не успеет смыться до появления караула, то он спляшет гальярду с безнозой прямо на центральной площади нашего славного лагеря. Ха! Суд у нас скор, в Аудиенсию¹ идти не придется.

Карта Барселоны 1572 года. Несколько позже описываемых событий, но не думаю, что город сильно изменился за тридцать лет

¹ Аудиенсия — городской суд Барселоны.

Мы идем вперед, взбивая пыль добротными башмаками. Кто мы? Если отбросить актеров второго плана — четырех секундантов и вечно пьяного доктора, то главные роли исполняют двое, как вы уже догадались. Это я, германский мещанин Пауль Гульди, и блистательный испанский офицер из знатного рода де Овилла.

Дон Франциско де Овилла, вот он идет впереди. Тонкий, гибкий и прямой, как и толедская шпага на его бедре. И поверьте, нисколько не менее смертоносный. Яркий представитель молодой аристократии, не успевшей еще обзавестись гемофилией, голубой кровью, белой костью и привычкой к кровосмесительным бракам.

Красивый и сильный потомок нескольких поколений бесстрашных воинов и самых прекрасных женщин, которых только они смогли покорить. В каждом его выверенном движении сквозит многолетняя привычка владеть оружием и людскими душами. Прирожденный кавалер, командир, заводила, душа компании, любимец женщин — и один из опаснейших убийц из всех, что мне доводилось встречать.

Любимец женщин? Так точно, именно женщина явилась причиной нашей с Франко ссоры. Моя жизнь снова катится к черту под хвост из-за женщины. Зарекался же, не раз и не два, — бесполезно. Мне нельзя погибать, только не сейчас, не здесь и не так.

Однако будь у меня возможность переиграть все сначала, вернувшись на два месяца назад, я клянусь,

что повторил бы то, что привело к нынешнему положению вещей.

Ради лучистых миндалевидных черных глаз и тонкого стана моей цыганской колдуньи, подобного нежному стеблю диковинного цветка. Ради той, что вернула мне давно забытое и, казалось, потерянное навсегда чувство. Ради той, что хоть ненадолго сделала эту грешную кровавую землю, раздираемую на части смутами, голодом и болезнями, моим вторым домом. Ради нее я был готов на всё, и смерть — лишь малое.

Поймите меня правильно, я не поклонник дуэлей, всю жизнь старался их избегать, это глупое и очень опасное развлечение, особенно когда приходится иметь дело с такими, как дон Франциско. За все годы, проведенные в армии, мне лишь дважды встречались фехтовальщики, равные этому испанскому молодчику.

Я предпочитаю держать оружие наготове, но не трясти им почем зря. Но! Я должен, слышите, должен поступать по неписанным канонам нашей братии, чтобы ландскнехты принимали меня как своего!

«Свои» никогда не спустят оскорбление. Тем более когда в деле замешана самая желанная женщина от побережья и до противоположного берега Эбро. На оскорбление «свои» отвечают вызовом и отточенной яркой сталью.

Я *вынужден* был вызвать де Овилла на поединок, а он выбрал оружие. Шпаги и кинжалы. Не мой

конек. Но все бы ничего, если бы мой противник не был тем, кем он является. А он, знаете ли, не дерьма кусок, а признанный лучший клинок всей испанской армии. Герой трех дюжин дуэлей (это к двадцати-то пяти годам!) и двух военных кампаний.

Какая жалость, что раненая честь и хмель застлали мои глаза багровой яростью: хватило бы мне ума спровоцировать испанца вызвать меня, тогда в дело пошли бы двуручные мечи. Наш испанский жеребчик оказался бы на короткой корде, вынужденный играть по моим правилам.

Двуручный меч помимо умения требует недюжинной силы, я же заметно сильнее моего визави, как и всех, кого я встречал в армии до сего дня. И длинные руки ему не помогли бы. Да что там, всем известно, что утонченные испанцы не блещут в сложном искусстве управляться спадоном¹.

Ха, весь цвет Европы видел, как на турнире в Мадриде в честь коронации Карлоса I (любимого нашего императора Карла V) рыцари из Тироля и Баварии гоняли по ристалищу расфуфыренных испанских сеньоров, вышибая из них дух и спесь прославленными клинками из Пассау, и лопни мои глаза, если там были мечи короче пяти футов!

Видит Бог, я не стал бы убивать благородного дона. Похромал бы с недельку, и все. Для тела убыток, для ума прибыток, как говаривал мой знакомый купец из торгового города Любека.

¹ Спадон — нем. spadon — двуручный меч.

Опасная это штука — сослагательные наклонения. Расслабляет. Мне нельзя расслабляться. Двуручники стоят в оружейных пирамидах, где и положено, а на поясе у меня мой «кошкодер»¹. Широкий и короткий клинок, простая гарда из двух витых дуг в виде замкнутой буквы «S».

Тяжелое и надежное орудие войны. Совершенно непригодное для поединка против узкой и легкой шпаги с витой гардой и широкой крестовиной. Клинок не менее трех футов, гибкий, как гадюка. Превосходная толедская работа.

Именно такое приспособление висит на перевязи дона. Они оба выкованы для убийства. Можно было бы попытаться сломать, перерубить узкий клинок, но с одной стороны в доле его написано: «Juan Ernandes Toledo», а с другой: «Espadero dell Rey»², а на пяте хмурится полумесяц с горбатым испанским носом. Это означает, что сломать *этот* клинок мог бы архангел Гавриил своим огненным мечом, но не простой смертный.

Я не питаю иллюзий насчет его намерений: никакой пощады, никакого «боя до первой крови». Первая кровь, скорее всего, польется из разрубленной артерии.

¹ Кошкодер — нем. *Katzbalger* — типичный меч ландскнехтов.

² Juan Ernandes Toledo — Хуан Эрнандес из Толедо (*исп.*); Espadero dell Rey — королевский оружейник (*исп.*).

Холм надежно закрывает нас от любопытных глаз в лагере, полянка глинистая, плоская, песка почти нет, рывины и кусты не мешают. Идеально. Пора начинать. Дон Франциск снимает камзол и рубаху, ну что же, разоблачимся и мы, неторопливо, пуговка за пуговкой. Пальцы дрожат от страха или с похмелья, не разберешь, это плохо. Да, пить я тоже неоднократно зарекался.

Глядя на размытые в солнечном свете фигуры зрителей, я в который раз за многие годы задаюсь вопросом: а что я здесь, собственно, делаю? Как меня занесла нелегкая в столь нелепую и опасную передрагу?

Не много времени осталось, чтобы поразмыслить над прожитой жизнью. И я размышляю, натягивая плотные перчатки черненой свиной кожи, размышляю, слушая мягкий шелест клинка, выползающего из своего убежища в ножнах, размышляю, занимая позицию в центре невидимого круга, описанного нашими ассистентами. Еще несколько секунд — и мысли уйдут. Место разума займет холодная, тщательно дозированная ярость.

А на самом деле как же все началось?

Хм...

В год 1534-й от Рождества Христова я, Пауль Гульди, мещанин, служивший при Павии гауптманом пехоты, был призван Карлом V, Божьей милостью императором нашим, под знамена испанской армии, куда в преддверии Тунисской кампании со всей

империи сходились храбрейшие рыцари, множество Божьих солдат — ландскнехтов, добрых пушкарей и мушкетеров и всяческого прочего воинского люда без счета.

Кого же только не было среди любимых Богом и императором ландскнехтов! И разоренные крестьяне и бедняки в поисках лучшей доли, и мелкие рыцари, измученные ростовщиками, и городские ремесленники, пущенные по миру минувшей войной... и даже преступники, спасенные от виселицы или топора барабаном вербовщика. Их всех приносил под золотое знамя с черным имперским орлом горячий ветер близкого сражения, сшибал с них спесь или приниженность, уравнивал их в едином строю.

Среди них был и я, Пауль Гульди, бывалый солдат, которого лютеранские выродки едва не сожгли на костре, подозревая в колдовстве. Ха! А говорили, бесовы лютеране не признают дьявола. Ведьм жгут за милую душу!..

Нет, пожалуй, на самом деле все началось гораздо раньше, примерно двенадцать земных лет назад, совсем в другом месте. Звали меня тогда Этиль Аллинар.